

УДК 82

КАК ДНЕВНИКУ НАЗВАТЬ СЕБЯ? (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX века)

© 2013 г.

С.С. Николаичева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

svetlananikolaicheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

На материале русской литературы XIX века рассматриваются особенности названий дневников героев, включенных в художественные произведения, а также их функции и роль. Анализируется связь названия дневника с его оформлением и содержанием.

Ключевые слова: дневник, журнал, название дневника.

Название дневника – важная составляющая дневниковых записей, которые встречаются в структуре художественных произведений. Название в определенной степени задаёт тон и содержанию, и форме дневника. Если дневник имеет название, то, как правило, можно говорить и о самостоятельном, обособленном характере дневниковых записей в тексте, их особенном значении, роли и смысле. При этом сам термин «дневник» в названиях дневниковых записей в структуре художественных текстов используется нечасто.

В романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова дневник назван журналом. Это альтернативное, заимствованное из французского языка название дневника (а в XIX веке в России и более употребительное). Журнал, если исходить из значения французского слова, есть запись подневная. Собственно, так и объясняет значение слова «дневник» В.И. Даль: «Дневник – поденные записки, журнал, во всех значениях» [2, с. 1094]. Как видим, для определения значения слова «дневник» используется более типичное, укорененное в сознании человека той эпохи слово «журнал». По сути, оба слова оказываются синонимичными, взаимозаменяемыми. «Журнал – м., фрнц [journal], дневник, поденная записка. Журнал заседаний, деяник; путевой, дорожный, путевник. Повременное издание, недельное, месячное, выходящее по установленным срокам; срочник» [2, с. 1367].

В словаре Пушкина слово дневник вообще отсутствует – есть только слово «журнал», причем довольно частотное (285), включающее и некоторые устаревшие употребления, например, с управлением чему (журнал осаде, веденный в губернаторской канцелярии).

В современном русском языке значения этих слов распределяются следующим образом: дневник – это записи личного характера, ведущиеся день за днем; журнал (из фр. journal, первоначально «дневник») – печатное периодическое издание.

Как видим, ключевым значением слов «дневник» и «журнал» является подневный характер записей. В сущности, эти понятия родственные и описывают один и тот же культурный феномен, который сегодня принято называть дневником.

М.Ю. Михеев в книге «Дневник в России XIX – XX века – эго-текст, или пред-текст» даёт развернутый комментарий к этимологии слова «журнал», где одним из параметров определения снова выступает подневный характер записей: «Во французском языке слово «журнал» появилось как прилагательное (с вариантом journal) и существовало еще с XII века; в диалектах оно могло обозначать меру сельскохозяйственной выработки – то, что можно сделать за день. В современном смысле le journal – 1) газета (с 1631 г.: Gazette de France), образованное как эллипсис из papier journal – то есть буквально «дневная бумага, бумага за этот день»; 2) дневник, журнал. (Само французское jour «день» происходит от латинского diurnum «дневной».) В латыни же diarium означало 1) дневная порция, рацион, паёк (преимущественно для римских солдат и рабов); 2) поденная плата, дневное жалование; 3) поденная записка, дневник» [4].

Таким образом, М.Ю. Лермонтов не случайно выбирает термин «журнал» в названии дневниковых записей своего героя – автор использует устоявшееся в его время слово для обозначения дневника Печорина.

В хронике Лескова дневнику героя даётся символическое название – «демикотоновая книга». Это наименование важно и значимо. Обратимся к его значению. Во-первых, это книга, а значит, представляет собой крупное по объёму произведение, охватывающее существенный отрезок времени. Во-вторых, заслуживает внимания определение «демикотоновая». Демикотон в XIX веке – это плотная хлопчатобумажная ткань атласного переплетения, что подчеркивает, с одной стороны, праздничную, торжественную красоту дневниковых записей, а с другой – долговечность, особую значимость заложенного в них смысла. Сам внешний вид книги предполагает, что в них будут заноситься значительные, важные события и мысли. Выбор «книги» для личного дневника Туберозовым является показательным. Безусловно, здесь налицо бережное и трепетное отношение протопопа к полученному подарку от преосвященного Гавриила «за доброе прохождение семинарских наук и за поведение» [3, с. 29]. Кроме того, для Туберозова представляет ценность каждая человеческая жизнь, поэтому и записи о произошедших событиях, совершённых деяниях, поступках, сменяющих друг друга мыслях, переживаниях должны вестись соответствующим образом. Итак, дневник, названный книгой, – это специфический авторский текст, преследующий высокие нравственные цели, раскрывающий духовную сторону жизни его автора – героя произведения.

Еще одно обозначение дневника – записки. Такое название носит произведение А.И. Герцена. «Записки одного молодого человека» состоят из трёх частей: «Ребячество», «Юность», «Годы странствия». Третья часть («Годы странствия») открывается новым вступлением «от нашего тетради» и содержит рассказ в форме дневника под названием «Патриархальные нравы города Малинова». Использованное здесь название дневниковых записей находится в тесной связи с замыслом писателя.

Молодой человек – главный герой и центр всего повествования, который, едва повзрослев, оказался в другой среде, вышел из ребячества и юности. Только вместо обещанного во второй части повествования о начале жизни молодого человека в университете появляется третья часть «Годы странствия» – поездка и прибытие молодого человека в некий город Малинов, где он оказывается в непривычных условиях существования. В записях в дневнике молодого человека возникает новая тема – город Малинов, а также новый образ молодого человека – обличителя малиновского «жизья-бытья». Важной темой записей станет встреча

молодого человека с Трензинским, идейный спор между ними.

В герценовских «Записках» само содержание потребовало изменения способа повествования – переход от личных записей некоего неизвестного молодого человека к подчеркнуто критическому рассказу о городе Малинове с помощью подставного «посредника», нашего тетради с записками молодого человека. О типичном российском городе того времени нельзя было сказать от «я» рассказчика первых двух частей, являвшегося автором «Записок», поэтому субъективный характер повествования объективировался, отчуждался от автора, что давало возможность критически рисовать город Малинов как часть российской действительности той эпохи. Даже указывается, что молодой человек «<...> едет в город Малинов, худший город в мире, ибо ничего нельзя хуже представить для города, как совершенное несуществование его» [1, с. 283].

Впоследствии в «Письмах к будущему другу» (1864) Герцен писал: «Переведённый из Вятки во Владимир, я принялся описывать под именем Малинова вятское житьё-бытьё. Сначала я писал весело, потом мне сделалось тяжело от собственного смеха, я задыхался от поднятой пыли и искал человеческого примирения с этим омутом пустоты, нечистоты, искал выхода хоть в отчаянии, но только разумном, сознательном...» [6, с. 249]. Критическое изображение малиновской жизни явилось в творчестве Герцена пунктом поворота к реализму. Слои за слоем «снимается» романтический идеализм молодого человека, – его обступает убогая, пошлая провинциальная жизнь: «Утром Малинов на службе; в два часа Малинов ест очень много и очень жирно <...>. После обеда Малинов почивает, а вечером играет в карты и сплетничает. Таким образом, жизнь наполнена, законопачена, и нет ни одной щёлки, куда бы прорезался луч восходящего солнца, в которую бы подул свежий, утренний ветер» [3, с. 294]. Здесь нетрудно узнать факты ранней биографии самого автора, его детства и юности, его ссыльных вятских лет, маскируемые внешне (название города, имена, фамилии), а также внутреннее настроение молодого человека, которое можно сопоставить с письмами Герцена из Вятки в 1835–1837 годах: «Что это за пошлость – провинциальная жизнь. Когда бог сжалится над этой толпой, которая столько же далека от человека, сколько от птицы? Истинно ужасно видеть, как мелочи, вздоры, сплетни поглощают всю жизнь и иногда существа, которые при иных обстоятельствах были бы людьми...» [6, с. 250–251].

В первых двух частях «Записок» – «Ребячество» и «Юность» – рассказчик почти не касается социальных отношений эпохи. Его внимание сосредоточено на внутреннем мире, на духовном состоянии юноши, предоставленном самому себе. В третьей части «Записок», наиболее дискуссионной и проблемной в жанровом отношении, вырисовывается образ молодого человека, протестующего против окружающей его действительности, страдающего от неё. Некоторые исследователи, опираясь на название дневника и самостоятельный характер записей, рассматривают «Патриархальные нравы города Малинова» как вставную новеллу.

Таким образом, «Журнал Печорина», «Демикотонову книгу» Савелия Туберозова и «Патриархальные нравы города Малинова» одного молодого человека из «Записок» А.И. Герцена, несмотря на разные авторские обозначения, и по форме, и по содержанию представляют собой дневники. В них помимо основных особенностей дневника (периодичность, регулярность ведения записей; связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями и настроениями; спонтанный характер записей – времени между событиями и записью прошло слишком мало, последствия ещё не проявили себя, и автор не в состоянии оценить степень значительности происшедшего; литературная необработанность записей; безадресность или неопределённость адресата многих дневников; интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей) [5, с. 232–233] есть ещё одна существенная особенность – способ оформления записей (тетрадь, книга).

В отличие от указанных выше произведений Лермонтова, Лескова и Герцена, записи героев, представленные в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» и А.Н. Полевого «Живописец» названия не имеют, а поэтому их можно отнести к дневниковым только по некоторым сущностным, а не формальным показателям – это дневники по сути. «Выдержки из записок» Аммалат-бека и заметки Аркадия не помещены в тетрадь или книгу. Автор не счёл необходимым этого делать. Видимо, на это были свои причины, как нам кажется, во многом связанные с типами героев, наделённых способностью вести дневниковые записи. Аркадий – творческая личность, не считающая необходимым должным образом оформить и свести воедино свои записи, а Аммалат-бек – герой-горец, искренне стремящийся к постижению основ высокой духовной культуры, – только начинает приоб-

щаться к ней, преодолевая преграды, обусловленные его естественными природными корнями. Отсюда и сбивчивость, неоформленность его дневника, и эта особенность отражает несформированность его духовного мира, который только начал приобретать цивилизованные черты.

Кроме этого, представляется интересным тот факт, что авторы зачастую употребляют синонимы: «дневник»: «записки» («Аммалат-бек»); «журнал» («Герой нашего времени»); «заметки» («Живописец»); «журнал» («Записки одного молодого человека»); в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» писатель использует несколько понятий в значении слова «дневник»: собственно «дневник», «календарь», «книга», «заметки», «нотатки», «записки».

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что отечественные писатели XIX столетия использовали слово «дневник» в различных значениях, однако в тех названиях, которые они давали дневниковым записям своих героев, проявлялась, с одной стороны, культурная среда, в которой рос и воспитывался автор, транслирующей в свой текст собственные представления о дневнике и его задачах, а с другой – проступали те черты и характеристики, какими автор осознанно или даже бессознательно наделял своих героев, ведущих дневник.

Таким образом, название дневника в структуре художественного текста – это немаловажный, заслуживающий изучения элемент всего произведения. Наличие названия, его особенности и даже отсутствие такового у дневниковых записей позволяют многое сказать не только о литературном герое, его внутреннем мире, но и об авторе, подарившем нам этого героя.

Список литературы

1. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. 576 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1, А-З. М.: Цитадель, 1998. 1944 с.
3. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 4. 560 с.
4. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/PLATONOW/miheev_platonov.txt
5. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 675 с.
6. Нович И.С. Молодой Герцен: страницы жизни и творчества. М.: Сов. писатель, 1986. 382 с.

**HOW SHOULD THE DIARY CALL ITSELF?
(CASE STUDY OF THE 19th CENTURY RUSSIAN LITERATURE)**

S.S. Nikolaicheva

Based on the material of the 19th century Russian literature, we consider the names of the characters' diaries included in works of literature, their functions and a role. The connection between the name of the diary and its form and content is analyzed.

Keywords: diary, journal, name of diary.